

Завьялофф Н. Развитие понятия «внутренняя форма слова» в когнитивных науках. Часть 1

English version: [Zavialoff N. Enlargement of the concept "inner form of the word" in cognitive sciences. Part 1](#)

Университет им. В.Сегалена Бордо 2, Бордо, Франция

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Содержание статьи [1] составляет анализ двух ключевых понятий – порождение вариативности и внутренняя форма слова. Второе понятие основывается на работах Г.Шпета, в которых отрефлексировано функционирование вербального языка и языков вообще, создающих континуум значений. Порождение вариативности связывается с современными когнитивными исследованиями и анализом восприятия поз тела, отрефлексированных в их социальном значении (во внутренней форме слова) и биологическом значении, в том числе и в связке тело-мозг.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, язык, когнитивные процессы, социальное и биологическое значение поз тела, Густав Шпет

Идея этой статьи появилась во время моей работы над переводом на французский язык произведения Г.Г.Шпета «Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта» [Шпет, 1927]. В области лингвистики и философии немецкий филолог В. фон Гумбольдт (von Humboldt) внес два основных понятия в анализ функционирования языка: понятие внутренней формы и понятие порождения вариативности. Содержание этих понятий не может быть принятым за принципы классического структурализма XX-го века, несмотря на то что оно непосредственно повлияло на некоторых основателей этого направления. Для Шпета внутренняя форма слова / языка – организующая сила, имманентная употреблению языка, и она основывает семиотику; благодаря действию взаимного соотношения она – но через объекты и в качестве объективации – оказывается составной частью конъюнктивной структуры языка, рассматриваемого на уровне его внешних форм, которые субъективированы говорящими и которые именно актуализируют эту объективированную внутреннюю форму: некоторым образом она одновременно объективирована и субъективирована. Существенным является вопрос о процессах этого объективирования по отношению к разным уровням реальности, то есть *in fine* вопрос об особой соответствующей внутренней силе как функциональных процессах.

Конъюнктивная структура

Шпетовская внутренняя форма слова ни деталь, ни целое. Дело не касается соотношения целого и части, а скорее «общего» и «индивидуального». Вопрос состоит в том, как определить место и природу этого общего соотносительно с отдельным, и что представляет собой индивидуальное. Ответить на вопрос, например, противопоставляя понятие «человек» понятию «социальный тип» (с его характером), оказывается недостаточным. Конечно, структурное устройство – часть и целое – может до некоторой степени через общезначимое в субъективных впечатлениях считаться действующим, чтобы уловить значительность некоторых слоев языка, которые имплицитно, через морфонологические формы, включают в себя, например, противоположные приемы высказывания: приемы рассказа и дискурса, комментария и дискурса, а также некоторые жанры дискурса, стили, социальные текстовые навыки как уровни порождающего поля, как уровни супrasegmentного семантико-прагматического компонента или еще определяющих областей и прочих тональностей. Эти

слои и уровни, представляющие собой на лингвистическом уровне сосюрскую «действующую силу», можно конечно обнаружить в виде более или менее инвариантных логико-грамматических или логико-лексических форм, смотря по тому, какая именно учитывается алгоритмическая программа [Saussure,2002]. Но у Шпета внутренняя форма слова – алгоритм иного характера. Она, в качестве отношения и физического движения, – составная часть не замкнутой системы и по своему обобщает и обосновывает «структуру» как органическое устройство, как совокупность индивидуальных элементов, взаимодействующих именно на основе неопределенных программ.

Невзирая на то, что ограничительным является у Шпета подход (исключительно социальный) к контексту языковых производств (научной, риторически-прагматической, романной или поэтической областей), принцип порождения вариативности становится главным. Если мы считаем, что «ценности» слов у Соссюра скорее «гомеостазические» (речь идет о стабильности и колеблющихся вариациях внутри замкнутой системы жизнеобеспечения организма), то они у Шпета, скорее, аллостазические (т.е. творческие, нестабильные). Под этими последними терминами мы понимаем, что объяснение установок-поз социального субъекта, которое дает Шпет, может быть перенесено на описание поз биологического субъекта («психофизического»), а этого он не совершил, так как он питал по отношению к естественным наукам некоторое недоверие, что в его время частично оправдано (по этому поводу можно было бы упомянуть работы Бехтерева, Кэнонна, Хида, Мараньона...).

Шпет не основывается только на различиях смысла, сделанных субъектами-интерпретантами в пределах систем, актуализированных сочетанием определенных сегментных семантических компонентов: для него знак устанавливает отношение, но это отношение не исходит из смежности или произвольного характера слов, из сходства или отсутствия сходства внутри семиотических разновидностей или в игре взаимно-определенных элементов, которые принадлежат либо предустановленной концептуалистской логике (Шпет подвергает критике эту гумбольдтскую логику), либо логике определенной противоположными различительными членораздельными признаками, либо еще чисто референциалистической логике. Для Шпета знак не только текстуальный, дискурсивный знак, он предполагает, через отношение вещь-объект-знак-значение-смысл, восприятие конкретного мира посредством телесности социального субъекта, как объекта среди других объектов мира культурной значимости – знак предполагает установление отношения между этими объектами, включая отношение самого субъекта к этим объектам мира в постоянном движении: и таким образом составляется эволюционный смысл.

Не статистическому дифференциальному анализу ценностей слов в пределах данной системы соответствует понимание или производство речи: можно констатировать, что даже на грамматическом уровне индексальные значения, как внетекстуальные (референциальные: например деиктические местоимения) или как внутритекстуальные (например анафоры, союзы) могут выходить за пределы нормативных противоположностей: «Il te vous l'enguirlande le sénateur!» – «он тебя вас его отлял этого сенатора!» [Voicquet, 2004]. К какому уровню отнести это высказывание? Идет ли речь о стиле, о жанрах? Конечно, жанры (как и нормативные формы языка) более или менее «навязываются», но они остаются историческими формами актуализации внутренней формы – этой «энергии» имманентной эволюционному употреблению языка (а не предданному духу / мысли / языку, как это предполагает Гумбольдт), этой объектированной творческой силе: в таком движении объектирования и субъектирования эта внутренняя форма, как «логика», сочетается с градиентами экспрессивности субъектов. Если мы принимаем во внимание реализацию идентификации личности, социального и, скажем, биологического индивида, эта экспрессивность укореняется столько в тропических, поэтико-культурных, сколько в метаболических, соматотропических процессах: так, например, если проявляется автоматическое ощущение боли, то одновременно может возникнуть сознательное и аффективное чувствование этой же боли. У Шпета эти процессы, сводя язык, прежде всего к вербальному, приобретают значимость, прежде всего, культурную, человечески-социальную. Однако, если мы их обогащаем, включая их в область биологических телесных языков человеческих и нечеловеческих животных, они нам помогают более сложным образом основывать «возведение научного здания миропонимания», а уже не «духовную деятельность», которая имела бы целью только свое «собственное возвышение» [Шпет, 1927].

У Шпета семасиология (учение о смысле, которое исходит из знака, как узуса слова/предложения с целью определения концепта) рассматривается с точки зрения не только интеллектуального вида, как

постоянного составления смысла, а также и ее эмоционального вида: тело (соматическое) социального («этнического») субъекта принимает участие в проявлении экспрессивности и сознания-самочувствия, которое запечатлевается в исторической длительности. В виду данной ситуации внутренняя форма – продукт объектирования не только классической логики (чисто гипотетической или грамматической), но и логики, рассматриваемой по тому как тело дает эмоциональные оценки акциям и реакциям субъекта – а речь здесь идет уже о логике связанной с неопределенностью, с возможными мирами: с этой точки зрения роль субъективности (индивидуальной и коллективной) становится важнейшей. Тем не менее описание телесного языка со социальной значимостью, как его предполагает Шпет, кажется, не достаточно учитывает функции познавательности и эмоции, и так следовало бы прибегнуть к описанию языка тела с биологической значимостью (экосистемичной) в общих пределах эволюционистской теории гоминизации.

Лингвистический знак (слово) – архетип культурной вещи. Понять, что представляет собой этот знак и как он функционирует, значит дать себе отчет в том, что обозначает вообще человеческая деятельность и креативность. В художественной области, например, в живописи на один сюжет можно написать разные картины (а одна и та же картина может подвергаться вариативности интерпретаций), ибо субъективизация / актуализация внутренней формы (как объектированных процессов понимания и оценивания) может быть по своей ситуативности разной. Источником конфликтных интерпретаций являются употребление знаков, обмен знаками, интерактивная практика структур. Своей формой и использованием им в качестве символа самого по себе или репрезентантов (изображений, слов) объект (вещь, лицо, событие) остается связанным с некоторой субъективностью говорящего или интерпретанта. Связанные со значениями (обобщениями, категориями, зависящими от опосредствования относительно нормативного языка) субъективность, экспрессивность, подведенные под своей внутренней формой (как процессом оценивания), предоставляют поле возможностей, участвуют в динамическом установлении смысла. Экспрессивность опирается на естественное, телесное, «психофизическое» проявление, приобретающее значимость не только социальную (как это объясняет Шпет), а и биологическую. Эта значимость направлена к двум формам выживания индивидуального и коллективного субъекта. В целом речь идет о комплексе, в котором взаимозависимы и коррелятивны уровни и в котором гибкость и вариативность поведений отвечают более или менее случайным изменениям в социально-географическом окружении. Конфликты не замкнуты в системах преднамеренных и предопределенных действий; для Шпета культурная сфера именно открытое поле возможностей.

Внутренняя форма и расширенный спектр междисциплинарности

«Порождение вариативности» – одно из ключевых слов в этой статье. Такой термин-понятие и у Гумбольдта и у Шпета. В своей работе «Внутренняя форма слова» Г.Шпет предлагает анализ понятия внутренней формы слова при помощи критического усвоения философских и лингвистических размышлений немецкого филолога. Эти понятия сегодня позволяют нам приступать к рассмотрению определенного количества вопросов, которые вызывают дискуссии в области лингвистики, философии, психологии или когнитивных наук в общем: среди таких вопросов фигурируют отношение между логикой и воображением или неопределенностью, отношение между процессом мышления и эмоциями, роль субъективности, роль языков социализированного и биологического тел, понятие гоминизации мысли и языка животных.

Существует несколько течений в области когнитивных наук. Именно в последнем их развитии идеи Шпета кажутся актуальными, будучи при этом критикой предыдущих этапов и открывая путь к более сложным подходам. Среди принципов, основывающихся у Шпета его манеру истолковывания и корреляции явлений, сначала выступает понятие междисциплинарности. Конечно, поле дисциплин расширилось: к дисциплинам, упоминаемым Шпетом, добавляются среди других антропология (история доисторического общества), нейробиология, информатика.

Классическими понятиями когнитивных нейронаук (60–70е годы) являются следующие:

1) рассеянный / распределенный» и параллельный характер обработки информации в сенсорной системе;

- 2) роль действия в приобретении знаний;
- 3) важность пластичности в образовании и поддержании нервной системы [Jeannerod, 2007].

Шпет заявляет об этой умозрительной / спекулятивной установке, когда говорит о связи «душевных» способностей (умственных, ментальных, когнитивных, интеллектуальных / интеллективных) и чувствительности (чувственного, эмоционального, аффективного) у действующего субъекта внутри социальной организации: термин «активного восприятия», о котором идет речь во «Внутренней форме слова», превращается в рамках лингвистики в «дистрибутивную предикативность». В отношении третьего пункта, Шпет не говорит о нервной системе, а о способности мысли, речи, артистического творения, научного и риторического прагматического – о способности объективировать некоторые законы и некую логику (внутреннюю форму) исходя из субъективного психофизического поведения и обратным путем субъективировать эти же законы и эту же логику в форме конъюнктивной структуры (лингвистическую, художественную), то есть открытой вариативности, которая актуализирует их: они корреляты, они основа динамичности семиотики. Речь в данном случае идет об общем принципе: порождении вариативности, исходя от некоторых принуждений. Безусловно, эти операции происходят «в голове». И когнитивные науки в первое время (под влиянием концептуализма, структурализма) в отношении познавательной способности и эмоций придерживались центральной теории: в структуре индивида первенство отводится «его внутренним ресурсам, а не влиянию среды» (это значит – мозговым ресурсам: нейронной и эндокринной системам).

Шпет расценивал умственное творение как результат языка тел, находящихся в социальной среде: этот язык природных тел (психофизических субъектов) обладает социальной значимостью. Интересно, в частности, заметить, что в настоящее время когнитивные нейронауки или когнитивная психология сосредотачивают свои исследования (которые могут быть спорными) на психических / умственных / ментальных состояниях, на отношениях между двумя субъектами (самим собой и другим) и на ценностях, эмоциях.

Шпет предвосхищает будущее; хотя он не употребляет термины «нейронные карты» или «перечни запоминаемых действий», хранящиеся в структурах головного мозга, он избегает до некоторой степени понятия представления, понимаемого как первый концептуальный уровень, который давал бы ходу словесному сообщению и в котором некоторые исследователи видят своего рода не точно определенную внутреннюю форму: «Представления не просто истинные и обманчивые образы реальности, которая существует вне их пределов. Они обладают собственной энергии, которая уверяет в том, что мир, или прошлое, именно такие, какими они их представляют» [Chartier, 2007]. Шпет, начиная с момента, когда жизнь объявлена «живой», отстраняет идею абсолютного идеального образа, идею интериоризированных когнитивных моделей (семантико-лингвистического или аналогичного характера), идею совершенной модели-намерения, свойственной утопиям, верованиям и идеологиям (и их мифам), идею универсальной схемы поведения.

Для Шпета идеи, понятия, предметы и термины конкретны, материальны, они являются результатом вербального и невербального общения между социализированными телами, они одновременно «подведены» под внутренней формой (конкретной), которая является имманентной использованию языков (лингвистических, жестов, музыки, и т.д.); а эти языки – внешние материальные формы, которые актуализируют эту внутреннюю форму и в качестве когнитивной / интеллективной деятельности (научная логика и поэтическая квазилогика) и в качестве сознания, «самоощущения», «эмоциональных переживаний», «пережитого», ценностей, на проявление которых отсылает проблема личности в рамках ее «этнической психологии» [Martsinkovskaia, 2008]. И эти языки также связаны с воображением / фантазией и с выразительностью / экспрессивностью, что является признаком присутствия субъекта в историческом времени и пространстве, в мире конкретных культурных знаков, развивающихся в биофизическом мире, который преобразуется.

Шпет сводит свои обсуждения о языке и к вербальному языку вообще и к научному и художественному словесному творчеству; относительно словесного языка он утверждает, что слово плоть мысли, «мысль порождается словом и одновременно с ним», то есть, можно так понять, никак до узуса языка, а в момент этого узуса, начиная с первобытных форм и значений. «Вербальное» перемещается из сферы чистого концептуализма и чистой генетики в сферу конкретной общественности посредством материальных (культурных) предметов, знаков, как эффекта вариаций,

вызванного порождением культурного характера. Мы можем сейчас сделать вывод, что культурная среда – своего рода агент Эволюции. Вербальный язык и так называемая мысль служат в качестве орудий научному и поэтическому непрерывному пониманию мира, они включаются в движение авторазвития этого мира, в бесконечное установление смысла, противостоящего догматам; у Шпета такое установление укореняется в социальности, в основе которой лежит некоторая объективированная творческая форма – внутренняя форма языка.

Гумбольдт считает, что перевод не творчество, а работа. Тем не менее, некоторые переводчики думают, что перевод может быть «одним из средств, благодаря которому передается то, что могло быть новшеством в некоторых осадочных произведениях»; «Перевод участвует в новом делении того, что было в прошлом и представляет интерес в настоящее время для творческого предвосхищения или для переориентировки будущего», а это равносильно тому, что нужно ухватить смысл «в соответствии с интересами, которые не полостью растолкованы» [Launay, 2007]. Для Шпета смысл в семантическом пространстве не занимает постоянного места, и нам приходится подчеркнуть каким образом строится смысл, как выявить динамику этого смысла сквозь его историчности и обнаружить перспективы, которые он открывает путем своеобразия его производителя.

Исходя из современных научных знаний в области биологии, психологии, нейропсихологии, этологии или когнитивных наук, которые, отказываясь от бихевиоризма, обращаются к проблеме натурализации, то есть допускают изучение роли мозга, эмоций, субъективности, действия или проигрывания действительного физиологического поведения организма, можно попробовать добиться идей Шпета, учитывая все его утверждения, интуиции, колебания, ограничения. А эти идеи Шпета не противоречат нейробиологическому и нейропсихологическому подходу к субъекту, если мы хотим вникнуть в это понятие внутренней формы слова, например, изучая между прочим специализированную роль некоторых мозговых структур или церебральных полушарий, когда их функции взаимодействуют и соотносятся между собой. Ссылаясь на общее понятие внутренней формы слова, мы принимаем во внимание такие процессы, как порождение вариативности, активное восприятие, дистрибутивную предикативность, движение, действие, которые в вербальном и не вербальном языках поведений выражаются в виде особенных поз у индивидуального или коллективного субъекта, какие ни были области – научные, риторические или поэтические, реального или воображаемого мира.

Между внутренней формой и внешней формой: активное восприятие, сообщаемая «мысль», установление смысла

Анализ многочисленных видов человеческого поведения может быть направлен на понятие внутренней формы слова, языка, по мере того, как слово считается архетипом культурной вещи. Анализированное как энергия, формативная форма, объективированная логика на основе языковой практики (внешних форм), но, все же оставаясь в коррелятивной связи с ней, это понятие понимается как порождение вариативности, но оно, по мнению Шпета, ни спекулятивное, концептуалистское, ни чисто психологическое, и ни чисто психофизическое. Шпет только частично, в плане метода, превосходит некоторые сегодняшние научные размышления об отношениях субъекта к его социо-экологической среде.

У Гумбольдта Шпет заимствует многое, кроме его противоречия: он их решает принципиальным образом и в противоположность его положениям, когда он мышление, состоящее из концептов, из интеллектуальности (из духа, мыследеятельности, энергии) и заложенное в голову (вместе с артикуляционным чувством) в качестве источника словесного языка, – заменяет узусом языка, как реальным источником / началом мысли, познавательности в особой игре объективации и субъективации. В отличие от того что предлагает Гумбольдт, Шпет думает, что чувствительность, мышление, язык индивидуального и коллективного субъекта сплетаются. Язык – социальная вещь, употребляемой социальными субъектами и позволяющей им выражать идеи: субъект-создатель – не абстрактный «средний» объект, безличный; он не биографический объект, но личность живая, творческая (*persona creans*). И именно благодаря общению, обмену словами посредством лингвистических ресурсов на различных уровнях, может объективаться общая и общная протOVERбальная форма мышления, чувствования: исходя из внешних форм, распределенных в

головах, телах, культурных вещах, она становится внутренней формативной, интеллективной и оценивающей формой, которая, в большей силе, перекрывает невербальный код, оперирующий когнитивными и эмотивными процессами; и в обратном движении она актуализируется в виде самых переменных идей, знаний, чувств и действий (т.е. кода, внешних вербальных и не вербальных форм, конвенциональных, более или менее нормативных), и это при случае у одного и того же субъекта или в самых различных группах. Встает здесь задача: как определить смену этих кодировок?

Вышеуказанные лингвистические ресурсы (лексические, синтаксические, фонологические) организованы в систему; эта система не исключает свободного сочетания своих элементов, но она свидетельствует о конъюнктивном структурировании более или менее общих значений и форм в виде динамической семантики и экспрессивности. Во-первых, проявляющаяся функция, оперируя в голове не имеет рационального концептуального характера; она также не психологическая (ноэтическая) функция, связывающаяся с морфологической, грамматической функцией, как это оказывается в объяснениях, данных Потебней, который не доверяет логике, как гипотетической науке [Потебня, 1862]. Подсказываемая им модель словесного производства предполагает в первую очередь концептуальную переработку сообщаемого, в котором обсуждаются идеи и понятия до вербального выражения: говорящий черпает из (бессознательной) мысли признаки в противоречии с ролью чувственного образа, предьявленного словом; во вторых, модель предполагает формулирование мысли с помощью лингвистических структур, основанное на отборе слов и сочетании этих слов в виде морфосинтаксических структур.

В настоящее время такая модель учитывается в некоторых нейролингвистических направлениях. А когда Шпет в пределах переработки информации в виду словесной коммуникации прибегает к понятию «идеи» и «концепта», он им не приписывает чисто психологическое или ноэтическое значение: в данной ситуации так называемый сейчас ментальный, церебральный, нейронный объект, становясь словом, оказывается для Шпета конкретным, предметным, и, в свою очередь, своего рода онтическим объектом (экспрессивной / телесной реальностью); лицом к соответственной онтической реальности (вещи, лицу, событию), объект является конкретной формой, которая равняется сочетанию элементов – признаков соотносимых между собой онтических вещей (речь не идет об упомянутых признаках мысли, как это оказывается у Потебни, который, впрочем, придает основе или корню слова содержание не соответствующей всегда первичной идеи этимона; впрочем, он считает, что слово со своим первичным признаком представляет собой внутреннюю форму). В позе действия или реакции в данной ситуации эти признаки добыты на основе активного восприятия. Цвет не свойство света или объектов, которые отражают этот цвет (конечно объекты поглощают или отражают некоторые длины волн света). Цвет – признак, ощущение, которое рождается в мозгу / в теле.

Признаки сообщают о нашей установке на действительность, они потенциально содержат в себе предикативность, которая распределяется по морфосинтаксическим компонентам (существительным, глаголам, прилагательным, местоимениям, союзам...). И у идеи и концепта, с одной стороны, и у лексем, с другой стороны, адекватная или непосредственно ассоциированная часть признаков оказывается в соответствии со степенью выражения телесных форм. Это выражение, связанное с присущими внутренней форме процессами порождения вариативности. А по мнению Потебни, бессознательная мысль (не готовая уже, но в виде психологических процессов образа, апперцепции) определяет лингвистическое предложение посредством представления (универсально-предметного «свернутого» образования, обладающего смыслом), или посредством ряда отношений между общими значениями, как базисными значениями слов (а это, впрочем, не исключает в нормативном языке именно некоторую долю субъективности / чувствительности в виде энонсиативных элементов); реализованные фонетические звуки и фонологические элементы навязываются сами по себе, оставаясь, на уровне корней, как первичных значений, прежде всего в связи с «душевными движениями» в пределах этих звуков. У Марти почти такой же подход, хотя он считает, что базисные значения или этимоны нейтральны, что в развитии языка нет плана, но все же язык обеспечивает коммуникацию; а понятие его внутренней формы несколько туманно (оно – некоторый внутренний эмоциональный опыт).

У Потебни внутренняя форма – стремление к мысли, к сознанию, отношение мысли к сознанию, но, как у Гумбольдта, чувствительность и мышление в противоречивом положении: читать чувствительность, впечатления как простые орудия (проводники), значит учитывать лишь

субъективное понимание объективного смысла вещи, ее идеи благодаря только умозрению: такая философия имени рассматривает внутреннюю форму как отношение идеи объективной вещи к сознанию. Но такая предположенная идея вещи, как и наличие инварианта в слове (абстрагирование возможно ситуативно, как момент движения, действия), не совпадает с отсутствием границ между конкретными вещами, существующими или еще нет объектами естественного или творческого мира (в языках множество способов обозначения одного и того же предмета, вещи: дело не только во впечатлениях по отношению к вещам, а в конкретном создании вещей со всеми их ценностями, обеспечивающими вариативные формы выживания). По Шпету, до некоторой степени, субъективность (чувствительность) не относится к представлению («умо-зрению»), но она своеобразная индивидуальная актуализация в телесных (вещественных) формах объективированных (в общении) телесных форм, как внутренней формы.

Словесное выражение и экспрессивность (стиль) совершаются последовательностью сенсо-моторных элементов, более или менее симультанно восприняты и присущим образом одновременно или нет актуализированы языковыми словесными элементами: главное здесь – активное восприятие, основанное на позах, т.е. просодических отношениях к объектам, испытанным в их взаимном соотношении через восприятие их выдающихся или ассоциированных признаков, уместных в плане эмоционального и интеллективного поведения. Здесь действует не процесс активизации сохраненных в памяти представлений / образов [Потебня, 1862], но объективированного перечня опытов (внутренняя форма), который субъект может превращать в стереотипные, проигранные, подготовленные или предварительные телесные акты или голосовые жесты: эти действия и жесты совпадают со всеми своими характеристиками (например фонологическими и просодическими, что касается речи, вербального акта), и они не оказываются последним моментом в высказывании: перформативный акт не исключение и он не является внутренней формой сам по себе.

Интеллектуальность и чувствительность, язык и интерпретация

Интеллекция и эмоция взаимосвязаны [*"интеллекция" = "интеллект"*; *сохранено авторское написание.* – Прим. ред.]. Процесс порождения вариативности совершается во время составления лексико-вербального смысла, который, значит, не предустановлен или не неизменен: процесс этот обладает свойствами функций, механизмов, законов, логики, алгоритма (т.е. совокупности неопределенных программ), на которые Шпет ссылается относительно внутренней формы, как на процесс интеллекции/понимания мира (посредством языка) и как на процесс оценивания этого понимания (путем физиологических явлений). Этот процесс включает в себя явления экспрессивности, как показателя субъективности, индивидуализации, личностной идентификации и рефлексивного сознания в мире культурных знаков.

В отличие от подхода Гумбольдта, который не умеет соединить мышление и чувствительность, Шпет через живые предметные языковые акты указывает на то, что принадлежит словесному языку, но все же не соответствует постоянным чувствительным данным: будь то речь о внутренней форме, как модальной логике научного дискурса, о внутренних экспрессивных формах («фигуральных») риторического дискурса или о внутренних тропических формах поэтического дискурса – эти формы остаются «общей формальной основой», модулирующей процессы мышления, волю (решение), фантазию (воображение), эмоциональное регулирование и еще запоминание. Можно истолковывать процессы мышления как вид интеллективного средства, которое соответствует пониманию мира, всех объектов-вещей (а некоторые из них уже символические значки сами по себе), заполняющих этот мир, включая мыслящего субъекта (лат. *intellegere* значит «понимать», «уразуметь»), то есть это средство соответствует своеобразному указанию, называнию этих объектов знаками, как предметами, конкретными вещами в коммуникации, подлежащими интерпретации и оцениванию. Все это совершается с помощью своего рода диалектики: она устанавливает причинные, противоположные, противоречивые отношения, а это значит так или иначе рассуждать исходя из приобретенных знаний, опытов; кроме этого это называние, это понимание, связанные с позами, зависят от «культурного» ума и разума, распространенного и объективированного в виде разных процессов – внутренних форм всех языков, а не только вербального, то есть разных физических отношений с социальной и биологической значимостью между индивидами. Такая диалектика касается материального мира, а не мира чистых концептов как у Гегеля.

Понимание физического мира относится к пространству, количеству, механическим причинам, употреблению орудий: в этой области двенадцатилетних шимпанзе и двухлетних с лишним детей считают равными, хотя дети кажутся более успевающими, когда нужно индуктивно вывести скрытые причины [Herrmann et al,2007]; отметим однако, что языковое опосредствование взрослых может благоприятствовать этой индукции. Это превосходство благодаря языку проявляется в социальных способностях, как в общении, в обучении с помощью подражания, угадывания намерения у другого человека [Herrmann et al,2007]: действительно, условленно, что более или менее сложные естественные и социальные среды, в которых развиваются виды животных, требуют более или менее высокие степени адаптационных достижений; но в этом словесный язык, как процесс, как совокупность функций, принимает участие с точки зрения количества, а не качества. Оттого слова преобладают в мире знаков, что они представляют собой некоторое опосредствование, некоторое очень сложное орудие, которое считается наиболее прагматическим в обмене информацией (по причине их фонетических форм и содержаний), но слова, тем не менее, принадлежат общей семиотике, понимаемой и как человеческая, и как нечеловеческая социо-историческая наука.

Благодаря языку могут действовать (как у животных, но у них в меньшей мере) силлогизм, правила транзитивности, планирование будущего: по этому последнему вопросу воображение (у Шпета в особенности поэтическое) играет важную роль: не прерывая связей с реальностью, оно совершает «отрешение» от нее, а это содействует к выходу за пределы классической логики – к логике не монотонной, к логике возможностей [Les Chemins de la logique, 2005]. Реальные (естественные и изготовленные) вещи мира становятся определенными, понятными, истолкованными объектами, но в ходе действия индивиды и народы манипулируют, трансформируют вещи и предметы, как таковые: речь идет о по видимому двойной предметности, одна – так названная онтическая, эмпирическая, другая – онтологическая, идеальная, но не предданная, а в таком случае отрешение – это «вчувствование» телом, которое, становясь словом в общении, выражает конкретную субъективность, многостороннюю отнесенность к вещам (включая сами слова) на основе интра / интертелесного отношения, и рассматривается как и интеллективный (указательно-номинативный), так и оценочно-эмоциональный процесс. У этой предметности и конкретности разные уровни, к которым можно еще присоединить уровень конкретности внутренней формы, но у каждого из них своя характеристика. Именно здесь проявляется порождение вариативности, система возможностей, но с ограничениями: например, по Шпету, говорящий не может отделяться полностью от соотношения с нормой, иначе дело уже идет о патологических словесных продукциях, об отсутствии контроля над эмоциями. Экспрессивность, действие эмоций наряду со смыслом принадлежат явлениям порождение вариативности.

Эмоции

Эмоции вообще не нарушают поведение, как это считает бихевиоризм. Животному и человеку Дарвин приписал способность анализировать мимики и телесные выражения им подобных, истолковывать их поведение и, из него выводя намерения, предвидеть какие будут последствия, на самом деле преодолеть конфликты благодаря союзам, соревнованию, сотрудничеству, альтруизму и, значит, обеспечить коллективное и индивидуальное выживание [Darwin,1872]. Шпет представляет эмоции как самые разнообразные проявления, но, выполняя функцию оценивания интеллективных процессов и будучи сами по себе естественными, они обладают социальной значимостью (тем самым они не могут быть универсальными; тем не менее Шпет допускает существование автоматизмов, роль некоторых рефлексов). Связанные с интеллективным суждением, с процессами понимания и интерпретации (с обоснованностью мнемических информационных, накопленных при случае с помощью форм и значений слов), с принятием решения, эти эмоции, означающие экспрессивность, запечатлевают субъекта (индивидуального и коллективного) в культурном пространстве и в историческом времени: таковой «признак» этого субъекта, таковое его присутствие в памяти, в культуре. И в этой культуре эти эмоции объективируются в виде оценочного процесса, то есть в ином виде внутренней формы.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Ленинград, 1929.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Собр. соч.: в 6 т. М., 1984. Т 6.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Ленинград, 1934.

Завьялов Н., Клаври Б. Нейропсихологический подход к изучению мозговой латерализации речи: от телесных схем к внутренней лексике // Журнал практического психолога. 2006. N 3.

Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: РПА, 1997.

Потебня А.А. Мысль и язык. Ж.М.Н.П., 1862.

Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: Мирный труд, 1913.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. ГАХН, 1927.

Alexis D., Stevens S., Clayton N., Emery N. Le geai buissonnier, malin comme un singe // La Recherche. 2007. Déc.

Arnold K., Zuberbühler K. // Current biology. 2008. Vol. 5. R202.

Averill J.R. The social construction of emotion: with special reference to love // Gergen K., Davis K. (Eds.). The social construction of the person. N.Y.: Springer-Verlag, 1985.

Belzung C. Biologie des émotions. Bruxelles: DeBoeck, 2007.

Berthoz A. Le sens du mouvement. Paris: O.Jacob, 1997.

Boly M. et al. // PNAS. 2007. doi:10.1073

Bouquet S. Les genres de la parole // Langage. 2004. N 153.

Changeux J.-P. L'individualité naît de la souplesse neuronale // La Recherche. 2007. Juillet-août.

Chartier R. L'écrit et l'écran, une révolution en marche // Le Monde. 2007. 13 oct.

Crick F., Koch C. Comment les neurones construisent de la cohérence // Les Dossiers, La Recherche. 2008. N 30.

Damasio A.R. Le sentiment même de soi. Corps, émotion, conscience. Paris: O.Jacob, 1999.

Damasio A.R. Spinoza avait raison. Joie et tristesse, le cerveau des émotions. Paris: O.Jacob, 2003.

Darwin C. The expression of the emotions in man and animal. London: Murray, 1872.

Debat V. Comment le milieu sculpte les gènes // La Recherche. 2007. Mai-juin.

Descartes R. Traité des passions de l'âme, 1649 & James W. Théorie de l'émotion. Paris: F.Alcan, 1901, § XXIV des Principes de Psychologie, N.Y., 1890.

Gentilucci M., Corballis M.C. From manual to speech: a gradual transition // Neuroscience and Behavioral Reviews. 2006. N 1.

Gottlieb G. Probabilistic epigenesis and evolution. Worcester: Clark University Press, 1999.

Grossman M., Koenig P. et al. Neural representation of verb meaning an fMRI study // Hum. Brain Map.

2002. Vol. 152(2).

Harris S. et al. // *Annals of biology*. 2007. Vol. 62.

Humboldt W. von. Introduction à l'oeuvre sur le Kawi et autres essais (tr. fr. de P.Caussat). Seuil; Paris, 1974.

Jablonka E. Le darwinisme évolue aussi // *Les dossiers de la Recherche*. 2007. N 27.

Jakobson R. Relations entre la science du langage et les autres sciences, dans *Essais de linguistique générale*, t. 2. Paris: Minuit, 1973.

Jeannerod M. Les clés du cerveau // *Pour la Science*. 2007. Nov.

Koehlin E. et Jubault T. Broca's Area and the hierarchical Organization of Human Behavior // *Neuron*. 2006. Vol. 50(6).

Lalan K.N. et Coolen I. De la culture jusque dans nos gènes // *La Recherche*. 2007. Mai-juin.

Launay M. de. Histoire d'un art toujours réinventé // *Le Monde*. 2007. 14 sept.

Lefebvre H. Le Langage et la société, Idées NRF. Paris: Gallimard, 1966.

Les Chemins de la logique // Dossier, *Pour la Science*. 2005. Oct.-déc.

Martsinkovskaya T.D. Shpet G.G., paraphrase d'un thème contemporain // *Gustave Shpet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique (M.Dennes éd.)*. Slavica Occitania. 2008. N 26/27.

Martin R. Pour une logique du sens. Paris: PUF, 1983.

Nauta W.J.H. The problem of the frontal lobe: A reinterpretation // *J.Psychiatr. Res.* 1971. Vol. 8.

Oullier O. et al. Quand les corps battent à l'unisson // *La Recherche*. 2007. Sept.

Panksepp J. Toward a general psychobiological theory of emotions // *Behav. Brain Sci.* 1982. N 5.

Perruchet P. Mémoire et apprentissage implicite // *Psychologie Française*. 1998. N 43.

Philipon P. L'intelligence humaine serait avant tout sociale // *La Recherche*. 2007. Nov.

Picq P., Sagart L., Dehaenne G., Lestienne C. La plus belle histoire du langage. Seuil; Paris, 2008.

Pollick A.S., de Waal F.B.M. // *PNAS*. doi:10.1073

Prather F. et al. // *Nature*. 2008. Vol. 451. P. 305-310.

Raichle M.E. Que fait le cerveau inactif // *La Recherche*. 2007. Juillet-août.

Ribot Th. La Psychologie des sentiments. Paris: Alcan, 1896.

Rizzolati G., Fogassi L., Gallese V. Les neurones miroirs // *Pour la Science*. 2007. Janvier.

Saussure F. de. *Ecrits de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 2002.

Sauzéon H. Modèles du langage et production de mot: apports des sciences cognitives, dans *Aphasie et aphasiques*. Paris: Masson, 2007.

Shpet G.G. La Forme interne du mot / tr. de N.Zavialoff, préface de M.Dennes, avant-propos et post-face de N.Zavialoff. Paris: Kimé, 2007.

Spinoza B. Ethique, 1677.

Thierry B. La raison des singes // Pour la Science. 2007. Oct.

Tort P. La seconde révolution darwinnienne. Biologie évolutive et théorie de la civilisation. Paris: Kimé, 2002.

Tsien J. Le langage (codé) de la mémoire // Pour la Science. 2007. Sept.

Varela F., Thompson E., Rosch E. L'inscription corporelle de l'esprit. Seuil; Paris, 1993.

Zavialoff N. Hominisation du langage animal // Société d'Etudes et de Recherches Préhistoriques des Eyzies. 2000. N 49.

Zavialoff N., Claverie B. Comportement langagier et dominance cérébrale mise en évidence par le test de Wada // Revue de Phonétique Appliquée. 1993. Vol. 108–109.

[1] Сохранены особенности литературного стиля, орфографии и пунктуации автора (прим. ред.).

Дата публикации 17 марта 2009 г.

[Информация об авторе](#)

Завьялофф, Николя (Zavialoff, Nicolas). Ph.D., профессор, лаборатория когнитивных наук [Laboratoire de Sciences cognitive], Университет им. В.Сегалена Бордо 2 [Université Victor Segalen Bordeaux 2], лаборатория ЕЕЕ [Europe Européanité Européanisation = Европа Европейскость Европеизация] Национального Центра Научных Исследований Университета им. Мишеля Монтеня Бордо 3 [CNRS-Université Bordeaux 3]; Университет Бордо [Université de Bordeaux], Бордо, Франция. Почт. адрес.: Université Victor Segalen Bordeaux 2, Domaine universitaire, 33607 Pessac cedex, France.

[Ссылка для цитирования](#)

Завьялофф Н. Развитие понятия "внутренняя форма слова" в когнитивных науках. Часть 1 [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)